

УДК 171

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-477-484

ДОГОВОРНАЯ ЭТИКА В МЕЖВИДОВОМ КОНТЕКСТЕ**CONTRACTUALIST ETHICS IN AN INTERSPECIES CONTEXT****А.В. Прокофьев****A.V. Prokofyev**

Институт философии РАН,
109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

RAS Institute of Philosophy,
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia

E-mail: avprok2006@mail.ru

Аннотация

Цель данной статьи – выявление трудностей договорной этики в области обоснования нормативных ограничений поведения человека в отношении животных. В исследовании использована методология, совмещающая вывод частных принципов на основе общих ценностно-нормативных посылок и соотнесение нормативной теории с живым нравственным опытом с целью достижения «рефлексивного равновесия». Первым шагом исследования является реконструкция двух моделей договорной этики: ролзианского и скэнлонианского понимания гипотетического соглашения. В своем исходном виде ни одна из этих моделей не может использоваться в межвидовом контексте, однако в современной этической мысли предложены различные варианты их приспособления к особенностям экологической этики. Модель Дж. Ролза допускает изменение условий соглашения и уплотнение занавеса неведения, модель Т. Скэнлона – введение фигуры представителя нечеловеческих живых существ. В статье продемонстрирована слабость этих способов преобразования договорной этики.

Abstract

The paper demonstrates fatal difficulties of the contractualist normative theory in the sphere of animal ethics. The research rests upon a methodology that combines the top-down moral deduction with some elements of the Rawlsian reflective equilibrium. The author reconstructs two major models of the contractualist ethics: Rawlsian and Scanlonian understandings of the hypothetical contract. In their original form, they can not be used in an interspecies context. Though there are modifications of the original contractualism that supposedly can solve this problem. In the case of the Rawlsian model, it is possible to change circumstances of the hypothetical choice and to thicken the veil of ignorance. In the case of the Scanlonian model, it is possible to introduce the figure of the representative of non-humans' interests. The author tries to show that every strategy of extending contractualism to provide the basis for non-anthropocentric ethics is doomed to fail and should be replaced by the search for an alternative theoretical foundation.

Ключевые слова: мораль, этика, этика отношения к животным, договорная этика, модель Дж. Ролза, модель Т. Скэнлона.

Keywords: morality, ethics, contractualist ethics, animal ethics, Rawlsian model, Scanlonian model.

Постановка проблемы, объект исследования, методология

Нормативная этика ставит перед собой задачу определить набор и порядок приоритетности нравственных требований. Она пытается выявить общие ценностно-нормативные посылки, которые мог бы принять любой разумный человек, а затем – вывести из них частные нормы, определяющие поведение моральных деятелей в конкретных практических кон-

текстах. Осуществляя эту задачу, она вынуждена постоянно соотносить результаты своего рассуждения с системой общераспространенных моральных убеждений – тех оценок, которые интуитивно очевидны для среднестатистического обладателя морального чувства. Существенные отклонения нормативных выводов этической теории от этой системы требуют специального обоснования и демонстрации причин, по которым живой опыт нравственной оценки оказался искаженным, отклонился от моральной рациональности. То, что в этической традиции, использующей наследие Дж. Ролза, называется «поиском рефлексивного равновесия» [Ролз, 1995, с. 33, 54–55], в той или иной мере используется любой нормативной этикой даже в тех случаях, когда не превращается в формальный исследовательский метод [Daniels 1996]. В данном исследовании будет использоваться именно такая методология, совмещающая рассуждение от общих ценностно-нормативных посылок к выводным частным принципам и соотнесение нормативной теории с живым нравственным опытом.

На пути к установлению набора и порядка приоритетности нравственных требований нормативная этика сталкивается с необходимостью переносить свои теоретические подходы из одного практического контекста в другой. Это порождает существенные трудности, поскольку теоретическая модель, дающая приемлемые для моральной интуиции выводы в одном контексте, может приводить к разнообразным контринтуитивным выводам в других. Именно такую ситуацию я и хотел бы проанализировать в данной статье. Она возникает в связи с переносом из одного практического контекста в другой одной из наиболее популярных в западной этической традиции теоретических моделей – договорной этики. Одним из главных камней преткновения для договорной этики оказывается нравственное отношение к нечеловеческим живым существам. Структура статьи определяется последовательным переходом от общей характеристики договорной этики к ее затруднениям в области обоснования нормативных ограничений поведения человека в отношении животных.

Результаты и их обсуждение

а) договорная этика

Договорная этика исходит из глубоко укорененного в моральном сознании подхода к разграничению допустимых и недопустимых действий, опирающегося на желание или согласие затронутых действием лиц. Действие имеет большую вероятность оказаться недопустимым в том случае, когда оно нежеланно для того, кто испытывает на себе его последствия, когда реципиент последствий действия не хочет того, чтобы с ним обращались определенным образом. Связь недопустимости действия с несогласием реципиента на его совершение присутствует, например, в Золотом правиле нравственности. Золотое правило требует прислушаться к мнению другого о действиях, затрагивающих его потребности и интересы. Оно предписывает моральному субъекту выбирать действия, исходя из мнения того, кто от них зависит. Мысленная смена мест деятеля и реципиента актуализирует это предписание. В этой связи можно сказать, что Золотое правило констатирует общеэтический принцип согласия [Прокофьев, 2014, с. 36]. Ту же роль играет артикулированное Кантом требование относиться к другим людям не только как к средству, но всегда также как цели. Кант прямо указывает на то, что ни один разумный человек не мог бы согласиться на отношение к нему только как к средству. Он не мог бы дать согласие на то, чтобы стать жертвой мошенничества, обмана, воровства, несправедливого применения силы [Hill, 2001].

В договорной этике принцип согласия находит свое систематическое выражение и дальнейшее развитие. Он превращается в процедуру отбора не действий самих по себе, а общих нормативных принципов, разграничивающих допустимое и недопустимое, обязательное и морально нейтральное поведение. В рамках данного подхода принципы можно считать обоснованными в том случае, если все разумные люди одобряют их исполнение или, по крайней мере, никто из разумных людей не сможет отклонить необходимость их исполнения. То же самое касается и порядка приоритетности исполнения моральных

принципов. Он получает моральную санкцию в случае одобрения всеми разумными людьми. Всеобщее одобрение принципов проще всего мыслить как своего рода общественный договор об их повсеместном применении, поэтому в центральную задачу этической теории превращается моделирование такого воображаемого договора – его условий, свойств его участников и т. д.

Ярким примером договорной этики является теория справедливости Дж. Ролза. Отправной точкой его рассуждения служит тезис о том, что никто из реально существующих членов общества из-за особенного характера своего социального опыта не способен выбирать нормативные принципы беспристрастно. В силу этого этическая теория вынуждена конструировать специальный мысленный эксперимент, в результате которого возникает аутентичное видение справедливости, представляющей собой «первую добродетель общественных институтов». Основные составляющие этого эксперимента, получившего название «исходное положение», – характеристика участников договора и наложенные на них информационные ограничения. В эксперименте участвуют способные к созданию жизненных планов индивиды, находящиеся на одной территории, нуждающиеся в кооперации и способные к ней, а также имеющие возможность препятствовать воплощению планов своих *vis-à-vis*. Они не являются альтруистами или благожелательными людьми, однако готовы строго следовать правилам, которые будут избраны в итоге соглашения. Принимая решение о выборе принципов, участники «исходного положения» находятся за «занавесом неведения», то есть не знают своих индивидуальных характеристик, включая природные дарования, концепцию полноценной человеческой жизни и способность к риску, а также своего места в том обществе, которое будет функционировать по избранным принципам [Ролз, 1995, с. 113–177].

Стремясь обеспечить себе наибольшее количество основных благ при наименее удачном для них исходе жизненной лотереи, участники соглашения, по мнению Дж. Ролза, выберут два принципа справедливости. «Первый требует равенства в приписывании основных прав и обязанностей, а второй утверждает, что социальное и экономическое неравенство, например, в богатстве и власти, справедливо, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека и, в частности, для менее преуспевающих членов общества» [Ролз, 1995, с. 29]. Условия мысленного эксперимента таковы, что участники исходного положения не только идентифицируют именно эти принципы, но и признают определенный порядок их исполнения в тех случаях, когда возникает нормативный конфликт. Ролзовы принципы находятся в отношении так называемого «лексического приоритета». Как буква «а» в алфавите идет перед буквой «б», так и меры по исполнению второго принципа могут применяться только тогда, когда полноценно реализован первый. Таким образом, с точки зрения Дж. Ролза, нарушение фундаментальных прав недопустимо не только ради увеличения общего благосостояния, но и для увеличения благосостояния наименее преуспевших [Ролз, 1995, с. 50].

Проясняя замысел работы «Теория справедливости», Дж. Ролз замечал, что в случае успеха своего теоретического проекта он попытается построить на той же основе более общую теорию, относящуюся уже не к справедливости, а к моральной правильности в целом [Ролз, 1995, с. 30]. В некоторых историко-этических трудах Дж. Ролз продолжил эту линию [Rawls, 2000, p. 175–176]. Однако в целом развитие его взглядов пошло в ином направлении. Задача построения договорной теории морали была реализована другими исследователями, прежде всего Т. Скэнлоном. Т. Скэнлон предположил, что занавес неведения превращает согласие участников мысленного эксперимента в не имеющее обязывающей силы для реальных людей. Поэтому в качестве критерия разграничения допустимых и недопустимых с моральной точки зрения поступков он использует выбор людей, которые знают все свои основополагающие свойства, но являются при этом разумными. Разумный индивид (деятель), по Т. Скэнлону, во-первых, эффективно регулирует свое поведение на основе доводов, во-вторых, стремится обосновать свои действия перед теми, кто так или иначе затронут ими (то есть предъявляет им доводы в пользу своего поступка

с целью убедить в его допустимости), в-третьих, отказывается действовать по тем принципам, которые не удастся обосновать каждому затронутому его поступками лицу, предполагая при этом, что каждый из его *vis-à-vis* имеет установку на поиск принципов, которые никто не мог бы на основе убедительных доводов отклонить [Scanlon, 1998, p. 195].

Другими словами, разумный деятель может принять лишь тот принцип поведения, который другие разумные люди не могли бы отвергнуть, беспристрастно взвесив получаемые деятелем преимущества и свои потери от признания такого принципа. Доводы на основе преимуществ деятеля Т. Скэнлон называет «возражениями против запрета», доводы на основе потерь окружающих – «возражениями против разрешения». Можно сказать, что процедура выбора принципов, разработанная Т. Скэнлоном, гарантирует всем затронутым лицам равное положение за счет предоставления каждому из них права вето в отношении тех действий других людей, которые он не может принять на разумном основании (метаэтическое обоснование этой позиции см.: [Scanlon, 2014]). Таковы две модели договорной этики, которые будут рассматриваться в данной статье. Третья модель, связанная с именем Д. Готтиера, выпадает из обсуждения, поскольку не подвергается переносу в межвидовой контекст ([Gauthier, 1986], реконструкция на русском языке: [Кашников, 2006]).

б) распространение договорной этики в область отношения к нечеловеческим живым существам

Договорная теория за последние полвека продемонстрировала большой потенциал в решении разнообразных метаэтических и нормативных проблем. Она стала одной из точек опоры критики утилитаризма, которая устранила монополию утилитаристского подхода, длительное время господствовавшего в нормативной этике. За ней стоит имя Дж. Ролза, едва ли не самого известного современного социального этика. Все это делает договорную этику очень притягательной теоретической моделью для значительного количества теоретиков (подборку репрезентативных текстов см.: [Contractarianism/Contractualism, 2003]). Однако она, как и другие нормативно-этические теории, подвержена проблемам, возникающим в связи со сменой базового практического контекста. Базовым практическим контекстом договорной этики являются отношения между людьми, выстраивающими совместное существование в качестве членов организованного сообщества. Здесь она проявляет себя наиболее эффективно, дает внятные нормативные ориентиры, позволяет корректировать итуитивные моральные суждения без создания тупиковых конфликтов с моральной интуицией. При переходе к иным контекстам, среди которых отношения между людьми в глобальной перспективе, отношение к людям с ограниченными возможностями, к будущим поколениям, к нечеловеческим живым существам и природе в целом, договорная этика испытывает существенные трудности. Она вынуждена модифицировать некоторые свои отправные посылки и теоретические инструменты. Где-то такая модификация оказывается более успешной, где-то выглядит как способ прикрыть неразрешимые внутренние противоречия. Как уже было сказано во введении к данной статье, ее задача – проанализировать трудности договорной теории в одном из самых проблемных для нее контекстов, связанном с отношением к нечеловеческим живым существам.

Проблемность этого контекста определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, нечеловеческие живые существа не образуют с человеком единой упорядоченной системы сосуществования, члены которой могли бы нанести друг другу ущерб, но воздерживаются от этого, и единой системы взаимовыгодной кооперации, все члены которой получают преимущества от ее наличия. Используя язык теории Дж. Ролза, эту мысль можно выразить двумя способами.

С одной стороны, человек и нечеловеческие живые существа не находятся в ситуации, характеризующейся обстоятельствами справедливости. Набор таких обстоятельств Ролз заимствовал у Д. Юма. Д. Юм вел речь о четырех факторах, делающих уместным применение понятия справедливость: 1) умеренная нехватка благ и ресурсов;

2) ограниченная благожелательность человека; 3) равная уязвимость субъектов друг для друга; 4) взаимная зависимость субъектов друг от друга (наличие кооперативных отношений между ними). Ролз немного модифицировал этот список, указывая на: 1) сталкивающиеся между собой жизненные планы и концепции блага, 2) неспособность людей гарантированно доминировать друг над другом, 3) их потребность во взаимовыгодной кооперации ([Ролз, 1995, с. 120], анализ концепции обстоятельств справедливости см.: [Прокофьев, 2015; Прокофьев, 2017]). Очевидно, что отношения между человеком и нечеловеческими живыми существами реализуются в иных условиях.

С другой стороны, человек и иные живые существа не принадлежат к единой «базисной структуре общества». Это понятие Дж. Ролз также использовал, описывая условия, в которых действуют принципы справедливости. Базисная структура, в его понимании, «это публичная система правил, определяющих схему деятельности, которая приводит людей к совместным усилиям для произведения большей суммы выгод и приписывания каждому признаваемых требований в дележе продукта» [Ролз, 1995, с. 85]. Только при наличии «базисной структуры» оказывается возможна фундаментальная посылка честных отношений, которую Дж. Ролз формулирует следующим образом: «благополучие каждого зависит от схемы социальной кооперации, без которой никто не мог бы иметь удовлетворительной жизни» [Ролз, 1995, с. 97]. Достаточно подставить в Ролзовы формулировки, характеризующие базисную структуру, вместо слова «люди» сочетание слов «люди и другие живые существа», чтобы обнаружить, что эти формулировки лишаются смысла.

Во-вторых, нечеловеческие живые существа трудно представить себе субъектами договора, соглашающимися на определенные правила и берущими на себя обязательство их соблюдать. Они не обладают ни одним из двух свойств ролзовских участников исходной ситуации. Животные, а тем более растения, не имеют явно выраженных жизненных планов, реализующихся на основе рационального выбора средств, и какой-либо концепции, полной и достойной жизни. Они не обладают способностью выполнять принятые всеми участниками исходного положения принципы, несмотря на то, что при снятии занавеса неведения нарушение этих принципов будет для них очень выгодным.

Выводом из этих затруднений могли бы стать тезисы об этической незначимости животных, или об их вторично-вспомогательной значимости в духе кантовского предположения, что негуманное отношение к животным разрушает условия возможности гуманного отношения к людям, и поэтому мы должны воздерживаться от жестокости или безразличия к нечеловеческим живым существам. Однако оба этих тезиса существенным образом противоречат общераспространенной моральной интуиции, в рамках которой причинение вреда животным (по крайней мере, сложноорганизованным животным, обладающим высокой способностью к переживанию страданий) является предосудительным, и не в порядке прохождения школы гуманного отношения к человеку, а в связи с самой их способностью страдать и нести потери. Еще большее противоречие наблюдается при сопоставлении нормативных выводов договорной этики и тенденции к росту экологической чувствительности, характеризующей современное западное общество. С преодолением этих противоречий связаны постоянно возобновляющиеся попытки приспособить договорную этику к контексту межвидовых отношений, модифицировать ее в соответствии с экологической и зоозащитной системой ценностей.

Первый способ добиться этого состоит в том, чтобы преобразовать представление об условиях, в которых реципиент последствий действия превращается в существо, достойное честного отношения и заботы. Акцент при формулировании этих условий может падать не на способность к сознательному причинению вреда или способность к сознательному участию в кооперации, как это было у Ролза, а на роль существа во взаимодействии, в ходе которого стороны получают некие блага и несут определенные потери. Отсюда следует, что моральные обязанности, выявляемые с помощью договорной методоло-

гии, имеют место не только там, где есть вся полнота выделенных Дж. Ролзом обстоятельств, а уже там, где одна сторона извлекает выгоду из взаимодействия с другой, в особенности если другая сторона при этом несет определенные потери или испытывает определенные ограничения (прецеденты такой трансформации см.: [Barry, 1978; Beitz, 1999; Kittay, 1999]). При таком понимании условий договорного мысленного эксперимента результаты его проведения можно распространить на отношения человека и животных. Раз человек использует животных, он входит с ними в морально обязывающие отношения и попадает под нормативные ограничения [Coesckelbergh, 2009].

Однако эта модификация договорной этики имеет существенные недостатки. Во-первых, в ее перспективе под защитой моральных принципов оказываются лишь те живые существа, которые напрямую используются человеком, а не все те, которые в результате человеческой деятельности испытывают страдания и сталкиваются с препятствиями к разворачиванию своего жизненного цикла. Во-вторых, право человека на использование других живых существ в данном случае принимается как аксиоматическая посылка, хотя теоретическая честность требует предъявить его обоснование. Описанная выше трансформация договорной этики, доведенная до своего логического конца, преобразует вопрос о том, какие нормативные ограничения наложены на использование человеком других живых существ в рамках «биосферной кооперативной схемы», в вопрос о том, вправе ли вообще человек, вносящий довольно сомнительный вклад в эту схему, использовать других ее представителей в своих целях. В перспективе договорной этики трудно и даже фактически невозможно найти доводы в пользу положительного ответа на него. Радикальность практических выводов, вытекающих из этого обстоятельства, превращает проект расширения договорной этики на область отношений человека и животных в интуитивно неприемлемый. В-третьих, описанная выше трансформация подчеркивает связь моральной ценности какого-то существа и возможности его использования. При обратном переносе этой связи в контекст межчеловеческих отношений приходится признать, что моральная ценность людей с ограниченными возможностями или людей, находящихся в коме, имеет место только тогда, когда они каким-то образом используются другими людьми или обществом в целом. Это также противоречит моральной интуиции.

Второй способ переноса договорной методологии в контекст отношений человека и нечеловеческих живых существ состоит в том, чтобы преобразовать характеристики участников воображаемой договорной процедуры. В результате этого преобразования иные представители биосферы должны оказаться участниками гипотетического соглашения, санкционирующего моральные принципы. В рамках ролзианской теоретической схемы этого можно достичь с помощью уплотнения занавеса неведения, то есть с помощью уменьшения объема той информации, которая доступна участникам исходного положения. Этот теоретический ход использовался реформаторами теории Дж. Ролза в гендерном и интернациональном контекстах [Okin, 1989; Beitz, 1999]. Он же применяется в контексте экологическом.

Занавес неведения у Дж. Ролза напоминает участникам договора, что каждый мог бы оказаться на месте человека, стоящего на более низкой социальной позиции, обладающего меньшими природными дарованиями, имеющего ограниченные физические возможности или маргинальную концепцию блага. С учетом этого участники и выбирают моральные принципы. Однако само по себе рождение именно человеком также можно рассматривать в качестве независимой от нашей воли благоприятной случайности. У того, кто родился именно человеком, нет морального права на преимущества, связанные с наличием у него человеческих способностей и принадлежности к виду, который стал доминирующим на Земле. Поэтому участники исходного положения должны быть лишены знания о своей видовой принадлежности и, выбирая принципы, вынуждены пытаться застраховать себя на случай рождения не человеком, а животным [Vanderveer, 1979; Singer, 1988; Rowlands, 2009].

У теоретической стратегии уплотнения занавеса неведения имеется очень существенное слабое место. Оно связано с тем, что упоминаемые Ролзом неблагоприятные исходы жизненной лотереи вполне реалистичны. Они уместаются в единый биографический нарратив. Люди могут менять концепции блага, открывать в себе природные дарования или терять их, утрачивать общественный статус и здоровье. Каждый человек при отсутствии трагических случайностей проходит путь от младенца до старика. На долю каждого может выпасть смена гражданства или жесточайший политический и экономический кризис, предельно истощающий возможности его национального сообщества и заставляющий эмигрировать и ожидать иностранной помощи. Даже смена сексуальной ориентации и биологического пола выглядит как вполне возможная траектория жизни. В этой реалистичности сценариев состоит сила ролзовской теоретической модели. А изменение видовой принадлежности является откровенно фантастическим сценарием. У рационального участника исходного положения вряд ли возникнет потребность застраховать себя на случай его реализации.

Скэнлонианский вариант этики общественного договора не имеет двух особенностей ролзовского ее варианта, ставших основой для попыток приспособить этику общественного договора к межвидовому контексту. В теории Скэнлона отсутствуют идеи базовой социальной структуры и занавеса неведения. Находящийся в ее центре образ обладателя разума, накладывающего обоснованное вето на негодные в моральном отношении принципы, никак не соотносится с нечеловеческими живыми существами. В итоге мораль предстает как сугубо межчеловеческое дело. Однако скэнлонианский общественный договор может быть дополнен тезисом о том, что в нем участвуют не только те существа, чьи интересы затрагиваются всеобщим принятием тех или иных принципов поведения, но и их представители. Именно разумные представители наделенных разумом живых существ могли бы отвергать те принципы, опора на которые приводит к нечестному распределению потерь и преимуществ между человеком и представителями других биологических видов [Baхter, 2004, p. 119–121].

Этот теоретический ход, к сожалению, также не выдерживает критики. Его успешность зависит от убедительности ответа на вопрос, кто мог бы считаться законным представителем нечеловеческих живых существ? Напрашивающийся ответ: экологические активисты, руководители и члены зоозащитных организаций. Но для того, чтобы рассматривать их в этом качестве, их убеждения надо признать выражением незаинтересованной разумной позиции, а не одной из частных идеологий или одной из многих, произвольно выбранных ценностных установок. Доказать это утверждение можно лишь выйдя за пределы договорной методологии. И если такое доказательство будет получено, то оно одновременно будет полноценным обоснованием морального статуса нечеловеческих живых существ. В этой связи складывается следующая ситуация. Без доказательства объективной значимости зоозащитных убеждений идея гипотетического соглашения в межвидовом контексте не работает. А имея такое доказательство, теоретик не нуждается в обращении к договорной методологии.

Заключение

Подводя итог этого небольшого исследования, можно сказать, что договорной этике не удастся обеспечить убедительное расширение своих теоретических построений для решения вопроса о моральном статусе нечеловеческих живых существ и обязанностях человека перед ними. Все три ключевых способа такого расширения: 1) трансформация условий гипотетического договора, 2) уплотнение занавеса неведения, 3) введение в число участников договора фигуры представителя интересов нечеловеческих живых существ оказываются неэффективными. Соответственно, можно сделать вывод о том, что решая проблему поиска моральных принципов для межвидового контекста, нормативным этикам следует искать иные теоретические модели.

Список литературы

References

1. Кашников Б.Н. 2006. «Мораль по соглашению» Давида Готьера как теория российского либерализма. Вопросы философии, 4:32–43.
Kashnikov B.N. 2006. «Moral' po soglasheniyu» Davida Gotiera kak teoriya rossiyskogo liberalizma [‘Morals by Agreement’ of David Gauthier as a Theory of Russian Liberalism] // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy], 4:32–43. (in Russian)
2. Прокофьев А.В. 2015. Обстоятельства справедливости: Аристотель и Юм. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 4:115–125.
Prokofeyv A.V. 2015. Obstoyatel'stva spravedlivosti: Aristotel' i Yum [Circumstances of Justice: Aristotle and Hume] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Tula State University. Humanities], 4:115–125. (in Russian)
3. Прокофьев А.В. 2014. Принцип согласия и применение силы. Вопросы философии, 12:35–44.
Prokofyev A.V. 2014. Printsip soglasiya i primenenie sily [Consent-Principle and the Use of Force] // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy], 12: 35–44. (in Russian)
4. Прокофьев А.В. Современное осмысление юмовских обстоятельств справедливости // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. № 2 (22). С. 30–38.
Prokofyev A.V. Sovremennoe osmyslenie yumovskikh obstoyatel'stv spravedlivosti [The Contemporary Reception of the Humean Circumstances of Justice]. Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University's Bulletin of Humanities], 2 (22):30–38. (in Russian)
5. Ролз Дж. 1995. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995, 536 (Rawls J. 1971. A Theory of Justice . Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 607).
Rawls J. 1995. Teoriya spravedlivosti. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1995, 536 (Rawls J. 1971. A Theory of Justice . Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 607).
6. Barry B. 1978. Circumstances of Justice and Future Generations. Obligations to Future Generations. B. Barry and I. Sikora (eds.) Philadelphia, Temple University Press, pp: 204–248.
7. Baxter B. 2004. A Theory of Ecological Justice. New York, Routledge, 206.
8. Beitz Ch. 1999. Political Theory and International Relations. Princeton, Princeton University Press, 264.
9. Coeckelbergh M. 2009. Distributive Justice and Co-Operation in a World of Humans and Non-Humans: A Contractarian Argument for Drawing Non-Humans into the Sphere of Justice. Res Publica. 2009, 15: 75–76.
10. Contractarianism/Contractualism. 2003. S. Darwall (Ed.) Malden, Blackwell, 286.
11. Daniels N. 1996. Justice and Justification: Reflective Equilibrium in Theory and Practice. Cambridge, Cambridge University Press, 365.
12. Gauthier D. 1986. Morals by Agreement. Oxford, Clarendon Press, 378.
13. Hill T. 2001. Hypothetical Consent in Kantian Constructivism. Social Philosophy and Policy, 2 (18): 300–329.
14. Kittay E.F. 1999. Love's Labor: Essays on Women, Equality, and Dependency. New York, Routledge, 238.
15. Okin S.M. 1989. Justice, Gender and the Family. New York, Basic Books, 224.
16. Rawls J. 2000. Lectures on the History of Moral Philosophy. Cambridge, Harvard University Press, 416.
17. Rowlands M. 2009. Animal Rights: Moral Theory and Practice. New York, Palgrave Macmillan, 234.
18. Scanlon T.M. 2014. Being Realistic about Reasons. Oxford, Oxford University Press, 132.
19. Scanlon T.M. 1998. What We Owe to Each Other. Cambridge: Belknap Press, 420.
20. Singer B.A. 1988. An Extension of Rawls's Theory of Justice to Environmental Ethics. Environmental Ethics, 10:223–224.
21. Vandevor D. 1979. Of Beasts, Persons and the Original Position. Monist, 62:368–377.